

Как бы госпожа Сюй ни гневалась, узнав об этом, она не могла признать, что сама хотела урезать его содержание, и тем более не стала бы защищать слугу, обкрадывавшего господский дом. Проще говоря, все эти грязные интриги внутренней половины дома работали лишь до тех пор, пока власть госпожи Сюй была безраздельной за закрытыми дверями. Но стоит вынести их на свет — и они теряют всякую силу.

Стоя посреди толпы и глядя на побледневшие, словно пепел, лица Цуй Мина и кучера, Цуй Се мысленно вздохнул и громко спросил их:

— В нашей семье всегда царили сыновняя почтительность, отцовская любовь и братское согласие. Разве когда-нибудь между нами возникали разногласия? На этот раз я вернулся на родину ради учебы лишь потому, что дни и ночи ухаживал за больными дедушкой и бабушкой, и старшие беспокоились, что это помешает моим занятиям. Что же до того, как я получил ранение по дороге... Дело касается государственных дел, и я не смею разглашать подробности. Однако и Цзиньивэй, и управа Тунчжоу прекрасно об этом знают. Тот господин давным-давно направил визитную карточку в дом ланчжуна, так за что родителям винить меня?

Слово «Цзиньивэй» мгновенно ошеломило и Цуй Мина с кучером, и обступивших их любопытных соседей. Даже те, кто про себя подозревал, что в их семье не все гладко, теперь не смели вымолвить ни слова.

Цуй Се невозмутимо обвел взглядом собравшихся и продолжал, обращаясь к этим двоим:

— То, что вы украли мои вещи, еще полбеды. Но вы не должны были ради наживы возводить клевету на хозяина и уж тем более лгать, будто мои родители хотели урезать мое содержание, сея рознь между отцом и сыном, матерью и сыном.

Он поднял голову и сложил руки в приветственном жесте перед толпой:

— Семья Цуй не может держать таких негодных слуг. Я прямо сейчас отправлю их к уездному начальнику, чтобы он вершил правосудие. Надеюсь, вы, почтенные соседи, выступите моими свидетелями.

Несколько копателей колодцев, нанятых его домом, закричали:

— Мы готовы засвидетельствовать! Эти мерзкие слуги совсем страх потеряли, середь бела дня наводят тень на плетень и клеветают на хозяина! Если бы молодой господин не проявил проницательность и не вывел этих ворюг на чистую воду, кто знает, сколько бы они еще выманили, обманывая обе стороны!

Несколько работников из соседских домов тоже подхватили:

— Из-за таких подлых слуг страдает репутация всех нас, честных и добросовестных людей! Таких предателей господ и прямо здесь забить насмерть — не грех!

Второй управляющий был уже скручен, словно цзунцзы, и валялся на земле, не в силах вымолвить ни слова, лишь тяжело и хрипло дышал. Кучер же вздрогнул, упал на колени и стал отчаянно молить:

— Старший молодой господин, я ведь всего лишь кучер! Я ничего не знал, умоляю, не считайте меня заодно с этим проклятым вором Цуй Мином...

Цуй Се взмахнул рукой:

— Обо всем этом расскажешь господину уездному начальнику, когда прибудем в уездную управу.

Лицо кучера то бледнело, то заливалось краской. Внезапно он закричал:

— Я... я могу засвидетельствовать! Это второй управляющий присвоил ваше ежемесячное содержание! Я всю дорогу видел, как он кутил, пил да ходил к девкам легкого поведения! Откуда у простого управляющего столько серебра? Все это он отнял у вас и Цуй Юаня, да еще распродал по пути ваши одежды и лекарства!

Глаза Цуй Мина едва не вылезли из орбит, он мычал и рычал на него через кляп, задыхаясь от ярости, а его лицо и шея налились багровым мором.

Кучер отвернулся, игнорируя его, и лишь с мольбой смотрел на Цуй Се, надеясь, что тот оценит, что он хотя бы не стал порочить хозяина, и дарует ему шанс на спасение.

Цуй Се слегка кивнул:

— В этом есть доля правды. Что ж, пойдешь в суд свидетелем.

Затем он велел Цуй Юаню пригнать их собственную повозку, чтобы рассадить двоих слуг по разным экипажам во избежание сговора, и сам отправился вслед за ними в управу подавать жалобу. Соседи пытались его отговорить:

— Ходить в суд с жалобой — дело неблагородное, роняющее достоинство. Вы ведь молодой господин из чиновничьей семьи, вам незачем лично представлять перед судом. Пошлите вашего старого Цуй Юаня с прошением, и дело с концом.

Юаньвай Чжао даже собирался отправить человека с карточкой шэньюаня своего старшего внука в управу, чтобы просить уездного начальника помочь разобраться с этим дерзким слугой.

Цуй Се поблагодарил их и твердо произнес:

— Слуги в моем доме учинили злодеяние, и лишь благодаря вашей помощи, почтенные соседи, нам удалось схватить этого вора и отстоять доброе имя нашей семьи. Когда мы доставим их в управу, вам еще предстоит дать показания в суде. Если же я, хозяин, ничего не стану делать и буду просто ждать дома, как я смогу спать спокойно?

Статус Цуй Юаня был слишком низок, к тому же он был честным и доверчивым человеком. Если второй управляющий на процессе попытается прикрыться именем Цуй Цюэ и госпожи Сюй, дабы надавить на него, а кучер вдруг снова переметнется, весь нынешний перевес может мгновенно рухнуть. Поэтому Цуй Се счел за благо отправиться лично.

Он настоял на своем и сел в повозку. Несколько отзывчивых соседей и копателей колодцев отправились к уездной управе вместе с ним, чтобы выступить свидетелями.

На улице перед управой Цуй Юань заплатил два цяня серебра грамотею, составлявшему прошения за деньги, чтобы тот написал исковое заявление. При этом он велел вывести крупными буквами слова: «Цзиньши года бинсуй эры Чэнхуа, ланчжун отдела Юньнань Министерства финансов некий Цуй». Затем они вошли в управу и подали бумагу.

Вскоре мелкий чиновник провел Цуй Се со слугой в гостиную, а остальных развел по боковым

комнатам, подал чай и попросил подождать. Цуй Се велел Цуй Юаню дать чиновнику два лян серебра на чай. Тот усердно поблагодарил и шепотом сообщил:

— Сегодня в наш уезд прибывает высокопоставленный циньчай. Господин уездный начальник вместе со своим заместителем выехали за город встречать его. Прошу молодого господина немного обождать. Архивариус Чэнь уже принял прошение и сейчас откроет заседание во втором зале, чтобы выслушать дело.

На самом деле всё начальство и служащие уезда сейчас были поглощены приготовлениями к встрече циньчая. Будь это обычное дело, архивариус Чэнь просто взял бы жалобу да выставил бы просителей за дверь. Однако на бумаге красовались отчетливые слова: «(Сын) цзиньши года бинсуй эры Чэнхуа, ланчжуна Министерства финансов». Это заставило его несколько раз всё взвесить: просто так выгнать такого человека он не смел.

Впрочем, неизвестно еще, когда циньчай въедет в город. А снятие показаний и заключение под стражу двух доставленных слуг не займут много времени.

Архивариус Чэнь воссел во втором зале и велел писарю ввести истца и ответчиков.

Принимая во внимание, что он заранее ознакомился с жалобой и знал, что Цуй Се — сын действующего чиновника, архивариус не стал заставлять его преклонять колени и даже приказал принести стул, чтобы тот слушал разбирательство сидя. Цуй Мин, разумеется, такой милости не удостоился: едва войдя, он был повержен стражниками на пол и остался стоять на коленях в ожидании допроса.

Поскольку заседание во втором зале началось, стражники вытащили тряпку изо рта Цуй Мина.

Он понимал, что это его последний шанс выкарабкаться. Если его действительно признают виновным в краже, госпожа Сюй наверняка умоет руки. Более того, чтобы не навлечь на себя дурную славу скупой мачехи, обделяющей сына первой жены, она сама позаботится о том, чтобы клеймо вора закрепилось за ним навечно. Лишь полностью разрушив репутацию и будущее старшего молодого господина и доказав госпоже Сюй свою полезность и ценность, он сможет вырвать себе право на жизнь!

Едва получив возможность говорить, он поднял невообразимый крик, вопя о страшной несправедливости:

— Я право же не крал ежемесячное содержание молодого господина! Размер этого содержания установили сам господин ланчжун и госпожа Сюй, дабы умерить гордыню старшего молодого господина! Они не хотели, чтобы он, приехав в родные края, продолжал вести себя так же, как дома — пользуясь статусом сына ланчжуна, наживал несправедливые богатства, притеснял мужчин и женщин, вмешивался в судебные тяжбы и обирал местных жителей...

А слуга-то знал немало громких слов! Все присутствующие в зале, от архивариуса до стражников, уставились на Цуй Се, совершенно не понимая, как этот юноша может быть связан с подобными обвинениями.

Он чинно сидел на стуле с идеально прямой спиной. Хотя в его чертах еще сквозила юношеская незрелость, взгляд обладал той степенностью и сдержанностью, какой редко достигали и взрослые люди. Вся его благородная и чистая осанка никак не вязалась с образом бесчинствующего смутьяна.

К тому же он был чрезвычайно хорош собой. Будь он на несколько лет старше, ему и притеснять-то никого не пришлось бы — красавицы и без того перелезали бы через ограды, лишь бы украдкой взглянуть на него.

Архивариус Чэнь не удержался от усмешки и ткнул пальцем в Цуй Мина:

— Если уж возводишь напраслину на хозяина, придумывай нечто хотя бы похожее на правду. Выдал такую несусветную чушь! Поверь я в это, мои начальники надо мной со смеху помрут. Настоящая воровская душа — пока не побьешь, не признается! Эй, слуги!

Несколько стражников, точно свирепые волки, бросились вперед и прижали Цуй Мина к полу. С помощью двух длинных шестов они зафиксировали его ноги, а концы бамбуковых палок уже замерли над его ягодицами. Архивариус Чэнь вынул бирку из стакана, намереваясь назначить несколько десятков ударов перед допросом, но помедлил: а что, если наказание затянется, и в этот момент как раз прибудет циньчай? Продолжать ли тогда порку или останавливать?

Пока он сомневался, Цуй Мин заверещал во все горло:

— Господин, не бейте! Всё, что я сказал — чистая правда! Наш старший молодой господин дома действительно целыми днями бил баклуши и избивал брата, чем вызвал гнев господина ланчжуна и госпожи Сюй, потому его и отослали сюда! А меня отправили вслед за ним, чтобы проверить, извлек ли он урок и раскаялся ли, дабы доложить госпоже Сюй! Ваша честь может отправить запрос в столицу, в дом семьи Цуй — там все об этом знают!

Архивариус Чэнь невольно взглянул на Цуй Се. Тот поднялся со стула, глубоко поклонился ему и твердо сказал:

— Ваша честь справедлив и мудр. Не говоря уже о том, что мы с братом с самого детства были дружны и неразлучны и я пальцем его не тронул; но даже если бы я и преподавал брату урок за дело, то лишь исполнял бы свой долг старшего брата. Разве бывает так, чтобы родители возненавидели старшего сына за то, что тот наставляет младшего, и лишили его крова и пропитания?

Цуй Мин пристально уставился на него, задыхаясь от гнева и обиды, а его глаза налились кровью.

<http://bllate.org/book/18372/1761246>